

А. В. Гущин

**Путь на Восток:
отправка русских пленных в Японию
в 1904–1905 годах**

Русско-японская война становится все более популярным периодом отечественной военной истории. Но проблема русских военнопленных в 1904–1905 гг. остается по-прежнему слабо изученной. Отчасти поэтому работы, связанные с русскими пленными, представлены не только профессиональными историками, такими как Такэси Сакон, Е. Е. Колоскова, Л. В. Жукова, С. А. Пайчадзе и др.¹, но и писателями, журналистами: В. Головин, В. Г. Гузанов и др.². Основные мысли этих публикаций укладываются в рамки расхожей фразы: «русско-японская война – это схватка двух джентльменов». Авторы на основании ограниченного круга источников повествуют о гуманном отношении к пленным. Нам хотелось бы обратить внимание на то, что пребывание русских военнопленных не являлось статичным сюжетом из истории русско-японской войны, как это может показаться из вышеназван-

Гущин Андрей Васильевич, студент Челябинского государственного университета. E-mail: guschin_andrey74@mail.ru.

¹ *Такэси Сакон*. Военнопленные в период русско-японской войны / Материалы выступления на конференции 6.09.2001 г. в г. Владивостоке // <http://www.russia-japan.nm.ru/sakon.htm#sakon>; *Колоскова Е. Е.* В плену // Отечественные архивы. 2005. № 6; *Жукова Л. В.* Формирование образа врага в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; *Пайчадзе С. А.* Русскоязычные издания в период и первые годы после войны 1904–1905 гг. // Русско-японская война 1904–1905 гг. и геополитические проблемы современной России: Материалы обл. науч.-ист. конф. Новосибирск, 2004.

² *Головин В.* Жизнь защитников Порт-Артура в фотографиях // <http://www.readnews.ru/news/index.php?id=7263>; *Гузанов В. Г.* И праху близких поклониться. Русские Воинские кладбища в Японии. Историческая хроника. М., 2000; и др.

ных работ. Для объективного освещения проблемы мы предлагаем условно разделить пребывание в плену комбатантов на: 1) транспортировку с передовых позиций в места постоянного содержания; и 2) нахождение в Японии, в приютах для военнопленных, до начала мукденских боев и после завершения мукденской операции. Воспоминания И. И. Шикуца, Ф. Ф. Рейнгарда, Ф. А. Пименова и др. указывают на существенное ухудшение условий содержания после победы японцев под Мукденом, когда в изменение стратегической инициативы в пользу России на сухопутном театре военных действий мало кто верил.

Только такой подход к узкой на первый взгляд теме поможет объяснить, почему возвращение на Родину пленных сопровождалось беспорядками, выплеском жестокости, слепым участием в революционных брожениях 1905 г. Выводы вышеназванных исследователей не объясняют этого, а, скорее, ставят в тупик: если пленные были обеспечены хорошим снабжением, содержались в неплохих бытовых условиях и не были озлоблены тяготами плена, то почему, возвращаясь на Родину, они вместо поддержки действовавшего режима приняли за разрушение его устоев? Кроме того, мы надеемся, что данная работа внесет свой вклад в изучение Русско-японской войны в контексте повседневной истории. Тем более, что война 1904–1905 гг. в отличие от Первой мировой и Великой Отечественной войн пока слабо изучена с подобных позиций.

Наряду с воспоминаниями нижних чинов¹ в работе использованы дневники офицеров разных рангов: как младших², так и высших³. Среди выбранных нами источников

¹ *Пименов Ф. А.* Из дневника артурца (крестьянина Петровской пригородной слободы Саратовской губернии Ф. А. Пименова). СПб., 1908. Вып. 1–3.

² *Щеголев И.* Воспоминания Порт-Артурца. 1903–1904. Одесса 1905; *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито: впечатления молодого офицера о войне и плене. СПб., 1907. Ч. 1, 2; *Шикуц Ф. И.* Дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909; *Лилье М. И.* Дневник осады Порт-Артура. М., 2002.

³ *Костенко М. И.* Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. 2-е изд. Киев, 1907.

личного происхождения – дневники взятых в плен как в составе подразделения (порт-артурские воспоминания и мемуары Ф. А. Пименова, Ф. Ф. Рейнгарда, И. Щеголева, М. И. Лилье, М. И. Костенко), так и отдельно от товарищей по оружию (Ф. И. Шидуц). Выборка охватывает воспоминания военнослужащих, которые сдались сами, оценив ситуацию, и тех, кто попал в плен не по своей воле (потеря сознания зауряд-прапорщиком Ф. И. Шидуцем вследствие тяжелого ранения). Подобный отбор источников отражает все стороны взаимоотношений администрации и пленных: чем выше звание комбатанта, тем лучше условия содержания. В свою очередь в силу особенностей японского понимания воинской культуры (кодекс Буси-до) к сибирским стрелкам, оборонявшим Порт-Артур до последней возможности, относились совсем не так, как к сдавшимся без боя морякам отряда контр-адмирала Н. И. Небогатова. С другой стороны, снабжать пищей и всем необходимым одинокого пленника в сравнении со сдавшимся гарнизоном Порт-Артура несложно, но и нарушить права небольшой группы военнопленных можно было, не опасаясь последствий, какие неминуемо возникли бы с 20-тысячным гарнизоном крепости. Конечно, наряду с источниками, изданными сразу после войны, привлекались и недавно опубликованные, такие как дневник капитана М. И. Лилье, хранившийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Объем данной статьи не позволяет нам сравнить условия транспортировки военнослужащих с условиями содержания в лагерях (приютах) для военнопленных. Поэтому далее речь пойдет только о том, в каких условиях и как транспортировались русские пленные в Японию. Мы предлагаем рассмотреть сначала транспортировку крупных соединений капитулировавших артурцев, и то, как следовали в плен с Маньчжурского сухопутного театра военных действий отдельные военнослужащие. Хотелось бы сразу отметить тот факт, что транспортировкой пленных, взятых на передовой, занимались японские военные, а не специально обученный тюремный персонал. Отношение японцев к сдавшимся артурцам было корректным и не допускало прямых издевательств над пленными. Попавшим в плен порт-артурским

офицерам разрешалось взять с собой: генералам по 89,6 кг, штаб-офицерам – 40,7 кг, обер-офицерам – 24,4 кг багажа личных вещей¹. Сдавая оружие и боеприпасы, офицеры шутили, обменивались с японскими коллегами подарками. Нижние чины всячески провоцировали японцев на применение силы: «пока гарнизон был ещё в крепости – пожары каждый день продолжались»,² – писал в воспоминаниях Ф. Ф. Рейнгард. Для отправки в Японию формировались партии пленных в г. Дальнем, так как сдавшийся гарнизон кантонского укрепрайона был трудноуправляем в самом Порт-Артуре. Пленных артурцев вели окружным путем, что увеличило общую протяженность расстояния, но не позволило увидеть японских военных приготовлений. В тяжелом положении оказались соединения Порт-Артурского гарнизона, такие как 26 Восточно-Сибирский стрелковый полк, вынужденный ждать своей очереди принятия в плен³. Продуктовое снабжение от русских интендантов уже не поступало, а японцы ещё не наладили снабжения, так как полк не был официально принят в плен. По свидетельству рядового Ф. А. Пименова, около полутора суток полк не снабжался. Офицеры, сохранившие лошадей, резали их и варили пищу⁴. Во время перехода к месту отправки японцы выдавали продукты 2 раза в день, но готовить еду пленные должны были самостоятельно. Рацион русских офицеров и нижних чинов составляли галеты, чай, мелкий сахар, мясо, зелень. По словам Ф. Ф. Рейнгарда «брали банки из-под галет и на кострах в таких кастрюлях готовили»⁵. Столовых приборов также не было, и «пили из банок от соли или от консервов, а мясо брали руками»⁶. Офицерам полагалось по 1 бутылке коньяка на шестерых. «Все были сыты, к тому же японские

¹ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 313.

² Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 1. С. 223.

³ Пименов Ф. А. Из дневника артурца... Вып. 2. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 27; Щеголев И. Воспоминания Порт-Артурца... С. 202.

⁶ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 27.

галеты очень нам понравились»,¹ – утверждал в своих воспоминаниях Ф. Ф. Рейнгард. Высокое качество пищи объяснялось тем, что конвоиры и пленные снабжались из единого источника – интендантских запасов осадной армии. А отношение японских офицеров из конвоя было благосклонным, и они не препятствовали покупке пленными продуктов и алкоголя у китайцев. Личные деньги на руках у пленных имелись в достаточном количестве, так как «сидя в Артуре 8 месяцев отрезанными, из получаемого содержания каждому удалось сколотить кое-какую копейку»². Известно, что в 26 Восточно-Сибирском стрелковом полку накануне капитуляции крепости ротные командиры, предвидя тяготы предстоящего плена, выдали из полковой кассы каждому стрелку по 2 руб.³ А судовые кассы кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры перед затоплением судов в гавани Порт-Артура были распределены неофициально между командой и офицерами.

Японцы опасались мародерства и порчи имущества, поэтому нижние чины во время перехода от Порт-Артура до г. Дальнего не обеспечивались палатками⁴. Офицеры могли занимать развалины хижин, встречавшихся на пути, которые, по словам офицера 25 Восточно-Сибирского стрелкового полка И. Щеголева, «не могли защитить даже от ветра»⁵, спали, согласно воспоминаниям мичмана Ф. Ф. Рейнгарда, «на земле, в пыли»⁶. Японцы во время пешего перехода для обеспечения быта военнопленных выдавали по глиняному горшочку с углём – его хватало для того, чтобы согреть руки⁷. Все это свидетельствовало о неготовности японцев принимать пленных в таком значительном количестве. Тем бо-

¹ *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 27; *Щеголев И.* Воспоминания Порт-Артурца... С. 201.

² *Щеголев И.* Воспоминания Порт-Артурца... С. 204.

³ *Пименов Ф. А.* Из дневника артурца... Вып. 2. С. 20.

⁴ *Щеголев. И.* Воспоминания Порт-Артурца... С. 201; *Лилье М. И.* Дневник осады Порт-Артура. С. 328.

⁵ *Щеголев. И.* Воспоминания Порт-Артурца... С. 201; *Костенко М. И.* Осада и сдача крепости... С. 320.

⁶ *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 55.

⁷ Там же. С. 25; *Лилье М. И.* Дневник осады Порт-Артура. С. 334.

лее, что традиционный кодекс чести самурая не предусматривал такой модели поведения комбатанта, как сдача в плен.

Оставшееся расстояние до г. Дальнего преодолевали на поезде, состоявшем из открытых платформ, предназначенных для перевозки орудий¹. На такую платформу помещалось по 30 чел. Офицерские мемуары лаконичны: «Тесно. Холодно»². Но скорое отправление в г. Дальний, даже на открытой платформе, было несравненно лучше ожидания отправки. 25 Восточно-Сибирский стрелковый полк ждал своей очереди 3 дня, офицеры – в палатках, солдаты – под открытым небом. 26 Восточно-Сибирский стрелковый полк прождал 2 суток; впрочем, японцы не запрещали жечь костры и готовить самостоятельно пищу. По прибытии в г. Дальний проводился медосмотр, те из пленных, кого не забраковали медики, готовились к отправлению в Японию³. Обычно это занимало несколько суток. Размещались они в отапливаемых бараках и зданиях, но условия были тяжелые: «грязь, мерзость, ни стола, ни стула»⁴. В качестве постели – нары. Рацион питания в г. Дальнем был неплохим: «густой суп из разной зелени и мяса», хлеб заменяли галетами⁵. Порой пленным выдавали «свежее мясо, продукты и зелень», из которых русские готовили пищу⁶. Режим не отличался строгостью: прогулки на расстояние не более 200 саженой (427 м – А. Г.) и возможность свободной покупки алкоголя и провизии⁷.

Существенно, что в г. Дальнем японцы разделили офицеров на 2 потока: к одному принадлежали те, кто не устранился пройти через плен, а к другому – изъязвившие желание вернуться в Россию. Давшие расписку больше не

¹ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 29; Лилье М. И. Дневник осады Порт-Артура. С. 335.

² Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 29.

³ Пименов Ф. А. Из дневника артурца... Вып. 2. С. 23; Лилье М. И. Дневник осады Порт-Артура. С. 335.

⁴ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 31; Лилье М. И. Дневник осады Порт-Артура. С. 336.

⁵ Щеголев И. Воспоминания Порт-Артурца... С. 232.

⁶ Там же. С. 202.

⁷ Рейнгард Ф. Ф. Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 31.

воевать с Японией до окончания войны перевозились организованными партиями в Шанхай, где поступали в распоряжение русского консула и далее с его помощью отправлялись в Россию. Размещались они на квартирах в семьях японских офицеров и гостиницах.

Для отправки русских военнопленных в Японию использовались те же суда и команды, что и для перевозки грузов и снабжения японской армии. Во время транспортировки по морю рацион нижних чинов состоял из супов с мясом и зеленью, картошки, моркови, капусты¹. Утром и вечером в качестве дополнения выдавался тростниковый сахар и чай. Завтрак офицеров из числа пленных состоял из 2-х блюд и чая. Кроме того: «масло, хлеб, огромное блюдо миканов (род апельсинов. – *А. Г.*), сгущенное консервированное молоко»² – вспоминал мичман Ф. Ф. Рейнгард. Во многом условия зависели от капитанов судов-перевозчиков; в офицерских дневниках встречались отзывы, где японцев называли «симпатичными и обаятельными людьми»³.

По прибытии в японские порты все пленные должны были пройти через баню и дезинфекцию вещей. В. Головин указывал на «высокий уровень гигиены», заботливо поддерживаемый японской администрацией⁴. На деле пленные мылись в общих баках, воду в которых не меняли, пока не помоеется весь барак (этап). Для нижних чинов – общая ванна на 17 чел.⁵ Для офицеров – бак на пятерых⁶. Такой «высокий» уровень гигиены способствовал распространению болезней (венерических), о чем неоднократно жаловались французскому консулу русские пленные. Несмотря на медосмотр перед отправкой из японского порта, уже непосредственно в приюте для во-

¹ *Пименов Ф. А.* Из дневника артурца... Вып. 2. С. 23.

² *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 37.

³ Там же. С. 36.

⁴ *Головин В.* Жизнь защитников Порт-Артура в фотографиях.

⁵ *Пименов Ф. А.* Из дневника артурца... С. 27

⁶ *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 46;

Лилье М. И. Дневник осады Порт-Артура. С. 342.

еннопленных было «много больных, с большим трудом двигающихся»,¹ – вспоминал Ф. Ф. Рейнгард.

Далее хотелось бы обратить внимание на транспортировку отдельно взятых в плен с передовой Маньчжурского театра военных действий. Согласно дневнику зауряд-прапорщика Ф. И. Шидуца, японцы русских военнопленных – на передовой – «ни о чем не спрашивали, и не обижали»². Одним из факторов, положительно влиявших на отношение к попавшему в плен противнику, могло служить героическое поведение или высокий уровень профессиональной подготовки. Так, пришедшему в сознание командиру небольшого отряда конно-охотничьей команды 286 пехотного Кирсановского полка японцы сразу же засвидетельствовали свое почтение, потому что он и его подчиненные «долго бились»³.

Для захваченных в плен на передовой позиции поставлялась еда, приготовленная для японских военнослужащих, не всегда подходившая русским в силу своей экзотичности: «ничего нельзя было есть, кроме рису»⁴. Но японцы шли навстречу пленным, практикуя выдачу продуктами. Суточная норма складывалась из 2 яиц, 3 порций молока и 2 порций мясных консервов, одной пачки белых сухарей и чая⁵. Для тяжелораненых выдавали красное кисло-сладкое вино. Пленные из числа раненых имели возможность самостоятельно готовить себе пищу как из тех продуктов, что выдавали японцы, так и из тех, что приобретали сами. С покупкой продуктов и вещей первой необходимости возникали трудности: торговцы не принимали русских денег, а обмен денег у японцев заканчивался спекуляциями со стороны последних⁶.

Раненые из числа пленных временно помещались вместе с японскими, которые, по воспоминаниям зауряд-прапорщика Ф. И. Шидуца, обращались с русскими «очень

¹ *Рейнгард Ф. Ф.* Мало прожито – много пережито... Ч. 2. С. 47.

² *Шидуц Ф. И.* Дневник солдата... С. 115.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же. С. 123.

вежливо»¹. А для основной массы здоровых японских солдат пленные были объектом повышенного интереса. Поэтому после нескольких суток пребывания в расположении японских частей русским комбатантам требовался усиленный караул, в чью задачу входила защита раненых от непрошенных гостей². Трудно с математической точностью говорить о размерах временных мест пребывания русских раненых. Это были небольшие помещения, где совместно размещались раненые с обеих сторон от 3 до 8 чел.³. Практиковалась совместная перевозка раненых из числа русских и японских комбатантов. В одном вагоне перевозили порядка 6 чел., причем совместно не более 1–2 русских офицеров при условии, что остальные – японцы; нижним чинам предлагались открытые платформы⁴.

Кому-то из пленных посчастливилось следовать через учреждения Красного Креста, где в качестве медперсонала выступали сестры милосердия. По воспоминаниям пленных, они, в отличие от военных санитаров, хорошо ухаживали за всеми больными, «не обращая внимания на национальность»⁵. В крупных госпиталях пленным предлагались привычные ложки и «кормили очень хорошо европейскими кушаньями»⁶. Л. В. Жукова в работе, посвященной образу врага, на основании воспоминаний военнопленных делает вывод о том, что источники личного происхождения умалчивают и «забывают» любые позитивные эмоции, как в отношении Японии, так и в отношении японцев⁷. На наш взгляд, подобные выводы были бы невозможны, если бы автор использовала более широкую выборку источников; даже в данной статье читатель найдет достаточное количество прямых цитат из источников, выражающих позитивные эмоции пленных.

¹ Шкуц Ф. И. Дневник солдата... С. 126.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Жукова Л. В. Формирование образа врага... С. 273.

Если раненого признавали годным к транспортировке, то лечить его собирались непосредственно в Японии. Слабосильных и тяжелораненых оставляли до поправки или смерти в военных госпиталях Маньчжурской армии¹. Именно эта сортировка перед отправкой в Японию объясняет тот факт, что смертность пленных в приютах для военнопленных была на порядок ниже международных норм. А не «высокий уровень гигиены» и заботливое отношение японской администрации, как это пытался представить В. Головин².

Днем пленным русским офицерам наносились визиты японскими коллегами, которые старались облегчить участь пленников. Не обходились такие встречи и без «телеграмм, в которых говорится, что у нас очень плохо в России, что там идут большие беспорядки, кругом забастовки, убивают начальников»³. Таким образом, не только в местах постоянного содержания, как правильно указывал С. А. Пайчадзе⁴, но и по пути в Японию русские военнопленные подвергались активной идеологической обработке.

По прибытии в г. Дальний даже раненые военнопленные размещались в палатках, так как барачных и помещений на всех не хватало. Чем дальше в тыл, тем сильнее им давали понять свое превосходство японцы. Транспортировка отдельных пленных комбатантов не отличалась от транспортировки пленных в составе подразделений, но в то же время раненые из числа пленных не имели никаких преимуществ перед остальной массой следующих в Японию.

Анализ выборки опубликованных источников личного происхождения позволяет утверждать, что на передовой и во время транспортировки русских пленных в места постоянного содержания японцы стремились придерживаться требований Гаагской конвенции 1899 г. о положении и правах военнопленных. Это объяснялось опасениями японцев оказаться в русском плену, на фоне достаточно нестабиль-

¹ *Пименов Ф. А.* Из дневника артурца... С. 23; *Лилье М. И.* Дневник осады Порт-Артура. С. 335; *Шикун Ф. И.* Дневник солдата... С. 127.

² *Головин В.* Жизнь защитников Порт-Артура в фотографиях.

³ *Шикун Ф. И.* Дневник солдата... С. 118.

⁴ *Пайчадзе С. А.* Русскоязычные издания... С. 30–31.

ной, вплоть до окончания Мукденской операции, ситуации на сухопутном театре военных действий. При этом во время транспортировки пленные подвергались антиправительственной пропаганде.

Характер трудностей, с которыми столкнулись русские военнопленные при отправке в Японию, свидетельствует о неготовности японской стороны принимать пленных в масштабах, диктуемых условиями характерной для XX в. индустриальной войны.

Условия содержания в приютах (лагерях) для пленных и отношение к русским комбатантам со стороны населения и администрации требуют дальнейшего серьезного изучения как в военно-антропологическом аспекте, так и с точки зрения российской политической истории, понимания роли возвращавшихся из плена военных в революционных событиях 1905 г.